

Клинические семинары и другие работы

Уилфред Р. Бион

Под редакцией Франчески Бион¹

Перевод А. Шевцовой

Другие главы: https://t.me/psychoanalyst_alina_shevtsova

Сан-Паулу (1978)

1

ДОКЛАДЧИЦА²: Пациент — экономист, тридцати восьми лет, в анализе со мной уже почти год. В детстве его и сестру отправили жить к бабушке и дедушке — родители решили посвятить все свое внимание младшему брату, страдающему умственной отсталостью. Пациент называет себя «сиротой при живых родителях». У него приятная внешность, он вежлив и пунктуален. У меня складывается впечатление, что его контакт со мной носит несколько ритуализированный характер.

БИОН: Какие черты его поведения кажутся вам проявлениями ритуальности?

ДОКЛАДЧИЦА: Его походка довольно механическая. То, как он подходит к кушетке и ложится на нее, напоминает тщательно отработанный жест. Я замечаю это и в том, как он строит первые фразы в начале сеанса. Например, он глубоко вдыхает, а затем неизменно говорит: «Очень хорошо, доктор». Он использует определенные выражения вроде: «Сегодня я принес вам сны» или «Хочу верить, что мы сегодня хорошо поработаем».

БИОН: Почему он говорит, что это сны?

ДОКЛАДЧИЦА: Он просто так говорит.

БИОН: Это одно из тех слов, которые настолько часто используются, что люди думают, будто знают, что такое сновидения, и говорят о них без сомнений. На каком основании мы утверждаем, что пациент видел сон? И что вас поражает в его заявлении о том, что он видел сон?

УЧАСТНИК: Я бы сначала задался вопросом, почему он начинает с того, что говорит мне, что видел сон.

БИОН: Да, это важный вопрос. Обычно мы не говорим незнакомцу: «Мне приснился сон». Так почему же пациент приходит к психоаналитику и говорит, что видел сон? Я могу представить, что спрошу пациента: «Где вы были прошлой ночью? Что вы видели?» Если пациент ответит, что ничего не видел — просто лег спать, — я бы сказал:

¹ Перевод сделан по изданию *Clinical Seminars and Other Works*, Wilfred R. Bion, ed. by Francesca Bion, London Karnac Books, 1994.

Данный перевод предназначен исключительно для ознакомительных целей. Все права на оригинальное произведение принадлежат его законным владельцам.

² Пол докладчицы не обозначен в тексте грамматически, но употребление слова “witch” по отношению к ней позволяет предположить, что это женщина.

«Ну, я все же хочу знать, куда вы отправились и что видели». Если пациент затем скажет: «Ах, ну да, мне приснился сон», тогда я хотел бы знать, почему он называет это сном.

ДОКЛАДЧИЦА: У меня сложилось впечатление, что, когда он говорит, что ему приснился сон, он хочет дать понять, что собирается сказать что-то очень важное и что это меня заинтересует.

БИОН: Это я могу понять, но когда он это говорит, он находится в состоянии бодрствования и «в сознании», как мы это называем. То есть и пациент, и вы находитесь в одном и том же состоянии ума — и это не то же состояние, в котором вы или он находитесь, когда спите. Он приглашает и вас, и самого себя предпочесть то состояние ума, в котором мы находимся, когда бодрствуем.

ДОКЛАДЧИЦА: Он берет отпуск либо до, либо после моего. На первой сессии после своего последнего отпуска он извинился за то, что забыл прислать мне чек. Потом добавил, что забыл извиниться, потому что был очень занят во время отпуска.

БИОН: Вот какие вопросы у меня возникают. Я уже задавал один: почему он говорит, что ему приснился сон? Задам еще один: почему он говорит, что он экономист? Если он и правда экономист, то почему забыл оплатить счет? Разве экономисты не должны разбираться в счетах? Это странная история — части ее не складываются, не согласуются друг с другом. Возможно, он думает, что психоанализ — это своего рода религия, а аналитики следуют ритуалу: три раза в неделю, четыре, пять, в определенные часы; и что если строго соблюдать этот ритуал психоаналитической религии, то в итоге пациент будет излечен. Мне бы хотелось еще немного узнать об этом странном положении дел.

ДОКЛАДЧИЦА: Я предположила, что он слишком занят собой, чтобы помнить об оплате. Тогда он сказал, что вовсе не беспокоится о себе; для него самые важные люди — это жена и дети.

БИОН: Это снова очень странно. Он утверждает, что не беспокоится о себе; его волнует лишь то, что я называю «фактами». Насколько я понимаю, «факты» — это то, на что нельзя повлиять. Если с пациентом что-то не так — я могу понять, что он хочет это обсудить. Но если его ничего не тревожит, а мы знаем, что это так, потому что он сам это сказал, — тогда эти «факты» к нам не имеют отношения. Мы не можем ничего сделать ни с его женой и детьми, ни с ним самим, потому что с ним все в порядке. Так зачем же он приходит к вам?

Если вы согласны со мной, что мы ничего не можем поделать с этими «фактами», то что же, по-вашему, мы вообще делаем? Можно было бы сказать, что мы попытаемся его анализировать, но если он не испытывает никакой тревоги по поводу самого себя — чем мы тогда должны заниматься? Кем или чем он считает аналитика? Считает ли он вас хирургом? Врачом? Священником? Экономистом? Промышленником? Думает ли он, что ваше занятие — просто брать с него деньги? И если это так, почему он забыл принести деньги? Я думаю, что мог бы сказать ему: «Если все, что вы говорите, правда, то мне интересно, зачем вы приходите ко мне. Должна же быть какая-то причина, по которой вы тратите время и деньги, чтобы приходиться на встречи со мной. Можете ли вы сказать, кем вы меня считаете или чем, по-вашему, я занимаюсь?»

ДОКЛАДЧИЦА: Мне пришло в голову, что он думает о себе как об аналитике. В те продуктивные моменты, когда мы оба можем работать, он сильно расстраивается и говорит, что я сбиваю его с толку и что он не может отнести мои слова ни к одной из известных ему категорий.

БИОН: Зачем идти к тому, кто с вами так обращается? Зачем тратить время и деньги на того, кто «сбивает вас с толку»?

ДОКЛАДЧИЦА: Он часто говорит, что приходит ко мне, потому что считает, будто у меня есть нечто ценное, чем я могу с ним поделиться. Но при этом он ощущает, что должен завладеть составляющими моей жизни: он хочет знать, как я прихожу к идеям.

БИОН: Я бы, пожалуй, сказал: «Мне кажется, вы говорили, что вы экономист. А ведете себя так, будто вы психиатр или психоаналитик». Что заставляет его думать, что у вас есть нечто ценное, чем вы захотите с ним поделиться, или что он хотел бы у вас получить?

ДОКЛАДЧИЦА: Он пришел ко мне после предыдущего «психоанализа». В ходе этого «лечения» он сам вел каждый сеанс, а «аналитик» должен был соглашаться или не соглашаться с тем, что он говорил. Поэтому он был сильно потрясен, когда понял, что я веду анализ иначе. Он сказал, что с прежним аналитиком знал о себе буквально все, но, несмотря на это, чувствовал себя очень подавленным. Со мной он не знал ничего ни о себе, ни обо мне — но, несмотря на это, чувствовал себя лучше. Он даже решил, что я, должно быть, какая-то ведьма. Когда он впервые пришел, он принес свою «психодиагностику» — свою «эдипову ситуацию» и «механизмы защиты» — и хотел обсудить это со мной.

БИОН: Какая необычная история! Может ли он объяснить, что такое «эдипова ситуация»? И какое отношение «эдиповы ситуации» имеют к психоанализу? Это важный вопрос, потому что именно такие вещи нам нередко приходится выслушивать. Люди, если они достаточно умны, учатся читать книги об «эдиповых ситуациях», «снах», «интерпретациях» и так далее. И действительно, они звучат порой почти как психоаналитики или психиатры. Но когда такие люди, которые кажутся настолько осведомленными и используют все «правильные» термины — «отцовская фигура», «материнская фигура», «эдипова ситуация», весь этот психоаналитический мусор, — на самом деле сталкиваются с подлинным психоаналитическим опытом, они начинают испытывать сильный страх. Тот, кто все знает, кто, казалось бы, во всем разобрался, вдруг оказывается «сбит с толку»; разум, который представлялся таким чудесным и исцеленным, просто распадается.

Такому пациенту можно было бы сказать: «Почему вы теряетесь, когда мы разговариваем, казалось бы, на обычном, вполне понятном языке? Предположим, я пациент, которого вы со всем своим психоаналитическим знанием собираетесь лечить: почему вы тогда сбиваетесь с толку? Либо вы ошиблись, думая, что знаете все, либо вам не следует быть психоаналитиком. Вам, пожалуй, стоило бы заняться чем-нибудь вроде экономики — но не приходите анализировать меня».

В практике психоанализа такой пациент, который внешне бодр, разумен, рационален, хорошо образован, не может выдерживать напряжения, связанного с тем, чтобы быть

аналитиком. Сегодня все чаще встречаются такие пациенты — те, кто знает о психоанализе все и намного превосходит нас, бедных аналитиков.